

ЗАМЕТКИ · СООБЩЕНИЯ РЕФЕРАТЫ

С. А. АНДРЕЕВ-КРИВИЧ

ПУШКИН И НОГМОВ

Вопрос об использовании Пушкиным в его посвященных Кавказу произведениях этнографических и фольклорных материалов сравнительно мало привлекал внимание исследователей пушкинского творчества. В результате многое здесь остается неясным. Одной такой невыясненной проблемы касается статья В. Л. Комаровича «Вторая кавказская поэма Пушкина», помещенная в шестом томе «Временника Пушкинской комиссии». На поднятых в этой статье вопросах мы и остановимся.

Оставшаяся незаконченной поэма о Тазите, вторая кавказская поэма Пушкина (ранее ошибочно именовалась «Галуб»), писалась после поездки Пушкина в 1829 г. на Кавказ и в Закавказье. Констатируя, что по материалу и идейному содержанию поэма тесно связана с «Путешествием в Арзрум», и полагая, что ее сюжет восходит к впечатлениям, полученным Пушкиным на пути от Георгиевска к Владикавказу (15—22 мая 1829 г.), Комарович утверждает, что «за счет только зрительных впечатлений дороги весь использованный в поэме этнографический материал, отнеся, конечно, нельзя (стр. 212). Дополняя имеющиеся в литературе указания, Комарович обращает внимание на события, которые происходили на Кавказе в то время. Эти события могли послужить источником сведений исторического характера; слушая рассказы о них, Пушкин мог ознакомиться и с рядом подробностей этнографических. Посредником могла служить, указывает Комарович, «молва». Автор и подвергает рассмотрению вопрос о связи пушкинских замыслов с тем, что могло ему сообщить лицо, которое, по его мнению, содействовало ознакомлению Пушкина с «молвой». Вопрос этот подвергается исследованию впервые.

Статья Комаровича относится к той области пушкиноведения (Кавказ в творчестве Пушкина), которая редко подвергается рассмотрению компетентными в данном вопросе исследователями. Поэтому существует опасность, что, будучи использована как в качестве источника в работах, посвященных Пушкину,—исследовательских и популярных, так и при преподавании курса русской литературы XIX в., она в дальнейшем послужит причиной многочисленных недоразумений.

Комарович утверждает, что тот человек, который мог осведомить Пушкина о событиях, происходивших в ту эпоху на Северном Кавказе, и сообщить ему ряд этнографических подробностей,—что в совокупности послужило важнейшей причиной оформления пушкинских замыслов, это «некий Шора — Бекмурзин-Ногмов» (стр. 216). Следовательно, речь идет о хорошо известном кавказоведам Шоре Ногмове, кабардинском ученом и деятеле просвещения Кабарды, столетний юбилей со дня смерти которого был отпразднован в 1944 г. Комарович пользуется только теми сведениями, которые сообщает А. Берже, биографическими данными, опубликованными в XII томе «Актов, собранных Кавказской археографической комиссией», и статей С. Д. Нечаева «Отрывки из путевых записок о Юго-Восточной России» («Московский телеграф», 1826, № 1). Ограниченный круг материалов, которыми воспользовался Комарович, является одной из причин многочисленных ошибок, имеющих в его статье. Посвященных Ногмову воспоминаний, биографических материалов о нем и т. д. имеется гораздо больше.

Занившись изучением пушкинского наименования адыгов (т. е. черкесов и кабардинцев, которые именовали и именуют себя до сих пор этим именем) «адехами», Комарович приходит к выводу, что эта форма только и могла возникнуть у Пушкина вследствие того, что в его воображении соединились представления как вообще об адыгах, так и об одной из ветвей адыгов — абадзехах. («...Нет сомнения, что из черкесских племен «молва» эта чаще других упоминала именно абадзехов, чье название, смешавшись с общенародным названием черкесов — «адиге» или

«адехе», только и могло породить пушкинское адехи» — стр. 215). Гораздо более убедительно звучит, например, уже имеющееся в пушкиноведческой литературе объяснение пушкинского «адехи» названием «адехе»¹. Пушкин, конечно, знал на какой слог падает в этом слове ударение. Учитывая это, и следует прийти к выводу, что для него оба названия звучали почти одинаково: адехи — адехе. В том, что Пушкин на должном месте ставил ударение, можно убедиться из поэмы, где это слово стоит в соответствующем ритмическом ряду и, кроме того, рифмуется. Например:

Не для разбойничьей потехи
Так рано съехались адехи
На двор Гасуба старика.

Пушкин прекрасно мог знать об абадзехах, об их роли в происходивших на Кавказе событиях, но образование «адехи» от «адехе» гораздо более убедительно, чем от «абадзехи», может быть объяснено простой грамматической потребностью. В предполагаемом возможном источнике пушкинского наименования встречаем как раз форму «адехе»: «Географическо-статистическое обозрение земли, населенной народом Адехе»².

Однако это толкование понадобилось Комаровичу не само по себе, но в качестве одного из доказательств важного тезиса статьи. Дело в том, что Шора Ногмов, который, как полагает Комарович, сообщил Пушкину использованные в поэме сведения, является, по утверждению автора статьи, природным абадзехом. Кроме того, и написанная Ногмовым «История адыгейского народа» составлена по преданиям абадзехов. Комарович пишет о Ногмове: «...Из племени абадзехов, историк своего племени и усердный собиратель и переводчик его песен, оставивший после себя целое их собрание, с историческими и этнографическими пояснениями, под заглавием: «История адыгейского народа...» (стр. 216). Ногмов — не историк племени абадзехов. Он действительно написал «Историю адыгейского народа», но она составлена не по преданиям абадзехов. Его книгу даже и читать нет необходимости, чтобы убедиться в этом. Полное наименование его известного труда: «История адыгейского народа, составленная по преданиям кабардинцев». Написанная Ногмовым грамматика — также грамматика кабардинского языка³. Да и понятно, почему свою «Историю» Ногмов написал по преданиям кабардинцев. Шора Ногмов родился и прожил жизнь в Кабарде, был кабардинским уорком (Комарович употребляет неправильное название «узденъ»), был по воспитанию, культурному складу, образу жизни вполне кабардинцем. Что же касается утверждения Комаровича, что Ногмов — природный абадзех, то следует сказать, что абадзехом был его прадед. Следовательно, даже и нужды не было доказывать происхождение «адехи» из «абадзехи».

Автор статьи указывает еще на одно обстоятельство, говорящее в пользу знакомства Пушкина с Шорой. «Нальчик, — пишет Комарович, — одна из тех крепостей, которые в 1829 году встретились Пушкину на пути и о которых упомянуто в «Путешествии...» (стр. 217). Ниже он сообщает: «Крепость Нальчик, где мог с Ногмовым встретиться Пушкин...» (стр. 218). Ногмов действительно жил в 1829 г. в Нальчике, где преподавал в школе аманатов. Об этом пишут А. Берже⁴, а также лично знавший Шору и видевшийся с ним в Нальчике венгерский путешественник Бессе⁵ и т. д. Ногмов в Нальчике жил, но Пушкин там не был. Пушкин о посещении Нальчика в «Путешествии в Арзрум» не говорит и даже названия этого города, — Комарович вновь ошибается, — в «Путешествии» не упоминает⁶. Таким образом, исследование вопроса о знакомстве Пушкина с Шорой Ногмовым, о чем сообщает А. Берже, основывающийся на свидетельстве современников, соображениями Комаровича не исчерпывается.

Но Комарович идет дальше. Он доказывает, что в лице Тазита, героя пушкинской поэмы, изображен Шора Ногмов. В поэме о Тазите противопоставлены две системы моральных представлений. Одна мораль стоит всецело на точке зрения защиты такого правового института, как кровная месть, утверждает законность личного насильственного вторжения в право собственности, оправдывает безраздельное

¹ С. М. Бонди, Неоконченная поэма о Тазите, в кн.: Путеводитель по Пушкину, 1931, стр. 255.

² Там же.

³ См. Г. Турчаннов и М. Цагов, Грамматика кабардинского языка, 1940, стр. 5—6; Г. Ф. Турчанинов, Рукописные материалы академика Шёгрена по черкесским языкам, «Язык и мышление», вып. X, 157—162.

⁴ См. Шора-Бекмурзин-Ногмов, История адыгейского народа, 1861, стр. 6—8; см. также «Шора Бекмурзович Ногмов (1844—1944). Серия документальных материалов из жизни и деятельности», Нальчик, 1944.

⁵ Jean-Charles de Bessé, Voyage en Crimée, au Caucase etc., Paris, 1838, стр. 148—158.

⁶ См. полное собрание сочинений Пушкина, изд. АН СССР, т. VIII, ч. 2 (Алфавитный указатель), 1940.

господство над человеком, не ограниченное никакими законами, узаконивает работорговлю и т. д. Это — мораль старика Гасуба. Ей противопоставлен другой тип моральных представлений, отрицающий все это. Это — мораль сына Гасуба Тазита. Тазит встречает купца, едущего без стражи, и не пытается напасть на него, не задерживает бежавшего раба и не мстит за кровь брата. Отец его проклинает и изгоняет. Путем сопоставления соответствующих высказываний Пушкина в «Путешествии в Арзрум» и заключенных в планах поэмы о Тазите указаний с текстом поэмы устанавливается, что Пушкин это противопоставление мыслил как столкновение морали Гасуба с моралью христианской. В «Путешествии в Арзрум» Пушкин пишет: «Есть средство более сильное, более нравственное, более сообразное с просвещением нашего века: проповедание Евангелия. Черкесы очень недавно приняли магометанскую веру. Они были увлечены деятельным фанатизмом апостолов Кср а н а... Кавказ ожидает христианских миссионеров». В сохранившемся плане поэмы с Тазите есть слова «Черкес христианин». В этом и находит Комарович основание для сопоставления Тазита с Ногмовым, так как Ногмов — христианин. Об этом свидетельствует сам Шора в своей книге, — говорит Комарович. Он пишет: «Из биографического очерка Берже видно..., что в детстве и ранней молодости Шора был мусульманином» (стр. 232). В то же время из написанной Ногмовым «Истории адыгейского народа» «видно, прежде всего, что ее автор христианин» (стр. 232). Таким образом, «христианство Шора принял уже взрослым как прозелит» (стр. 232). Этот довод Комаровича неоснователен. В своей «Истории адыгейского народа» Шора Ногмов нигде не говорит, что он исповедует христианскую религию. Комарович невнимательно прочитал эту книгу. Видимо, автора статьи ввели в заблуждение некоторые высказывания Ногмова, в которых он положительно отзывался о христианской религии, которая, — заметим, — на протяжении более тысячелетия была религией адыгов. Ислам они окончательно приняли только в XVIII столетии и — под влиянием силы. Не более достоверно и другое доказательство. Оно заключается в следующем. В поэме о Тазите существенное значение имеет мотив кровной мести. Комарович пишет: «Однако, «род Бекмурзина» не раз упоминается во всевозможных донесениях и актах времен наместничества графа Гудовича (1791—1800) и позже, в связи с заведенными Гудовичем в Большой и Малой Кабарде «родовыми судами и расправами», рассчитанными на искоренение среди кабардинцев «буйства» и «хищничества», т. е. в частности той самой кровной мести, в отказе от которой состоит подвиг Тазита, связанного, таким образом, с Шорой и с традициями его рода самой характерной своей чертой» (стр. 232). Выделялся ли особенным образом род Бекмурзиных среди других кабардинских родов своей особой приверженностью к кровной мести — этот вопрос даже излишне сейчас обсуждать. В доказательство своего положения Комарович ссылается на первый, второй и третий томы «Актов, собранных Кавказской археографической комиссией», где и упоминается «род Бекмурзина». Род Бекмурзиных, о котором говорится в «Актах», и род Шоры Бекмурзина Ногмова ничего общего между собой не имеют. Упоминаемый там род Бекмурзиных — род кабардинских князей Бекмурзиных. Это одна из четырех княжеских фамилий Большой Кабарды: Атажукины, Мисостовы, Бекмурзины, Кайтукины. Комарович, сделав выводы из свидетельства современников, переданного Берже⁷, ставил целью доказать два положения: 1) Пушкин получил от Шоры Ногмова сведения, которые он использовал в поэме о Тазите; 2) Ногмов — прообраз Тазита. Аргументация Комаровича недоказательна. Это и является основанием для повторной постановки вопроса о сущности взаимоотношений между Пушкиным и Ногмовым, так как статьей Комаровича вопрос этот не разрешен.

Свидетельство же современников, о котором сообщил Берже, заслуживает доверия. Оно тем более достойно внимания, что нам известно о стремлении Ногмова войти в сношения с лицами, посещавшими Кавказ, о большой его общительности. Об этом свидетельствуют показания упоминаемого и цитируемого Комаровичем С. Д. Нечаева. Есть и другие материалы, свидетельствующие о том же. Шотландский миссионер Глен, видевшийся с Ногмовым на Кавказе, пишет о нем в своей книге, вышедшей в Лондоне в 1823 г., и даже дословно подробно излагает содержание разговора с ним на религиозные темы⁸. Роберт Лайелл, свидетельство которого относится к 1822 г., также виделся с Ногмовым на Кавказе. Автор обстоятельных книг о России, которые в свое время пользовались большой известностью, Роберт Лайелл дает высокую оценку Ногмову⁹. К немного более позднему времени, к

⁷ «Рассказывают еще некоторые кабардинцы, лично знавшие его (Ногмова. — А. К.), что он познакомился с Пушкиным во время бытности его в Пятигорске, что Ногмов содействовал поэту в собрании местных народных преданий и что поэт, в свою очередь, исправлял Ногмову перевод песен с адыгейского языка на русский...» (Шора — Бекмурзин — Ногмов, История адыгейского народа, 1861, стр. 12).

⁸ William Glen, Journal of a tour from Astrachan to Karass, London, 1823, стр. 68—73, 82, 87, 103, 203, 217.

⁹ Robert Lyall, Travels in Russia, the Crimea, the Caucasus and Georgia, vol. I, London, 1825, стр. 430, 446—448.

1829 г., относится сведение о Ногмове венгерского путешественника Бессе, упомянутое нами выше. Наконец, о Ногмове пишет академик Шёгрэн, знакомившийся во время своей поездки по Кавказу с кабардинским языком. Ногмов работал в содружестве с Шёгреном¹⁰.

Таким образом, впервые подвергшийся подробному рассмотрению в пушкиноведческой литературе весьма существенный вопрос, тесно соприкасающийся с важной общей проблемой о межнациональных связях между русской литературой и культурой и литературами и культурой других народов нашей страны, оказался разработанным столь мало удачно.

Редакции «Временника Пушкинской комиссии» следовало до напечатания подвзргнуть статью Комаровича более тщательному редакционному просмотру.

¹⁰ Sjögren, Voyages dans les vallées centrales du Caucase, «Nouvelles Annales des voyages», 1848, Février, стр. 129—145, Mars, стр. 268—292, Juin, стр. 276—327. Cp. Bulletin scientifique publié par l'Académie impériale des Sciences de Saint-Petersbourg, vol. II, No. 18, 1837, стр. 282—286; vol. III, No. 17, 1838, стр. 271.

В последнее время обнаружен также ряд архивных материалов о Ногмове.— См. указанные выше работы Г. Турчанинова, а также его статью «Шора Бек-Мурза Ногма» («Молодой сталинец», Нальчик, 1941, № 41, 42, 43 от 4, 6 и 9 апреля). Здесь упоминается также о сочинении E. Henderson'a, «Biblical researches and travels in Russia including a tour in the Crimea and the passage of the Caucasus» (London, 1826), в котором упоминается Ногмов. В связи с исполнившимся в 1944 г. столетним юбилеем со дня смерти Ногмова выпущен ряд изданий, посвященных ему.— См. по этому поводу газету «Кабардинская правда» от 16 января 1946 г., № 11—5265, и журнал «Советская книга», 1946 г., № 5. Пишущему эти строки принадлежит работа, в которой устанавливается наличие связей между Ногмовым и Лермонтовым.— См. С. А. Андреев-Кривич, Кабардино-черкесский фольклор в творчестве Лермонтова, в кн.: Ученые записки Кабардинского научно-исследовательского института, т. I, 1946; см. также газету «Социалистическая Кабардино-Балкария», Нальчик, 1941, № 119.